

ТРАДИЦИОННЫЕ ЛИЧНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ
«ОХРАНИТЕЛИ» АЧАЙВАЯМСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ

В пос. Ачайваям, расположенном на севере Олюторского района Корякского автономного округа Камчатской области, проживает малознученная группа оленеводов численностью около 400 человек. В похозяйственных книгах они записаны чукчами. Однако этнографо-лингвистическое обследование, проведенное в 1969 г. северо-восточным отрядом Северной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством И. С. Гурвича, показало, что отнесение ачайваямцев к чукчам ошибочно¹.

В материальной и духовной культуре этого населения, в силу географической отдаленности и довольно позднего перехода к оседлости, до сих пор сохраняются некоторые архаические элементы. Рассмотрению одного из них — представлений, связанных с личными и семейными «охранителями» ачайваямских оленеводов, — и посвящено данное сообщение. Оно основано на полевых материалах автора, собранных в 1979 г.

У оленеводов этой группы в прошлом существовали разного рода личные и семейные охранители. Значительное число личных охранителей, по их мнению, обладало защитной функцией и использовалось в качестве оберегов от нападения злых духов *кала* (мн. ч. *калав'*). Эти духи, по представлениям оленеводов, имели семьи, жили в ярангах, выпасали стада горных баранов, охотились. Но предметом их охоты были люди. Духи питались их кровью и мясом. Вредоносной деятельности этих существ население приписывало болезни и смерть.

Особенно подвержены нападению *калав* дети. Поэтому сразу после рождения к левой руке ребенка привязывали оберег — маленькую фигурку *окмакля* (буквально — «деревянный камак») (Табл. I, рис. 1—6). Делали ее из сучка тальниковой ветки. Она имела отдаленное сходство с человеком. Раздвоенная внизу часть обозначала ноги. На плоском «лице» такой фигурки иногда вырезали «глаза» и «рот». Фигурку подвешивали на нить, сделанную из сухожилия оленя, в которую обязательно вплетали заячий пух. Крик зайца якобы был способен отпугнуть злых духов и прекратить их вредоносную деятельность, а пух зайца — облегчить болезнь человека. Такой амулет одевали также на голову новорожденного.

Защитную функцию приписывали бусинам и бисеру. *Калав*, нападая на человека, имеющего подобного «защитника», не могли причинить ему вреда, так как «душа» человека во время опасности якобы пряталась в сквозное отверстие бусины и становилась невидимой для духа. Поэтому новорожденному сразу же после обрезания пуповины вдевали в мочку уха сережку из бисера. Женщины, имеющие грудных детей, носили серьги и накосные украшения из бисера. Несколько бусин обязательно привязывали к детскому амулету (Табл. I, рис. 5, 6).

«Защитником» матери и ребенка считалась и *аняпель* (дословно — «маленькая бабушка»), с помощью которой определялось имя новорожденного. *Аняпель* — небольшой камень, обшитый ровдугой («одежда»), обильно украшенной бисером и бусами. Их нашивали на поверхность ровдуги и прикрепляли в виде подвесок по краям. Уходя из дома, мать могла оставить ребенка одного, уверенная в том, что *аняпель* оградит его от нападения духов. Хранили ее под подушкой или привязывали с помощью ремешка к спинке кровати. Когда жили в ярангах, *аняпель* держали в спальном пологе. За своеобразную «службу» оленеводы «кормили» ее костным мозгом оленя (смазывали им открытую поверхность камня).

¹ См. Гурвич И. С., Яйлеткан А. И. — Ачайваямская группа коряков-олeneводо-в. — Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1971, вып. 3.

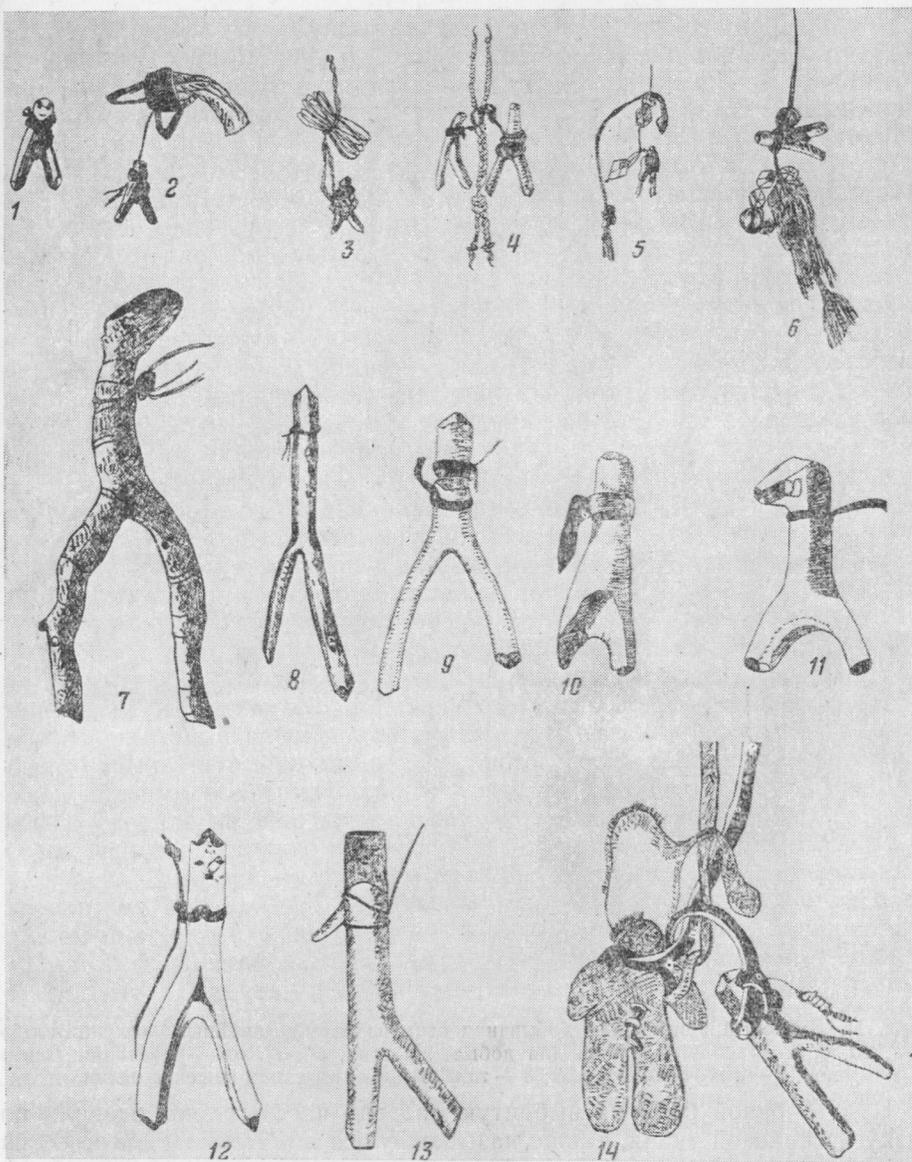

Табл. I. Личные и семейные «охранители» из связки семейных «охранителей»: 1—6 — оккамакля — личные «охранители» человека; 7—13 — оккамакля — «товарищи», «помощники», «пастухи» «гычгыя»; 14 — элвылг'ыкаңг' элюч — кукла, ищущая табун»

Личными охранителями человека были и кожаные кружки *йиг'ил-гын* (буквально — «луна»). Их пришивали к одежде всех членов семьи на спину и грудь. Поверхность кружка украшали разноцветным бисером, края — подшейным волосом оленя, сухожильными нитками и красной шерстью.

При частых носовых кровотечениях к пучку волос на макушке привязывали *пиняк* — бахрому из окрашенного в красный цвет подшерстка молодой нерпы — белька и нескольких бусин белого и красного цвета. Такая подвеска из бусин называлась *лав'тыкылыл* (дословно — «головная бусина»).

Женщины, у которых болели глаза, пользовались специальным амулетом — *лав'тыкыльчинаң*. Он представлял собой два соединенных ремешка, окрашенных раствором ольховой коры; один из них охватывал голову, другой проходил от лба до затылка. В пяти местах (на лбу, над ушами, на макушке и затылке) на ремешки нашивали красный, белый и синий бисер. Этот амулет женщины не снимали даже во время сна.

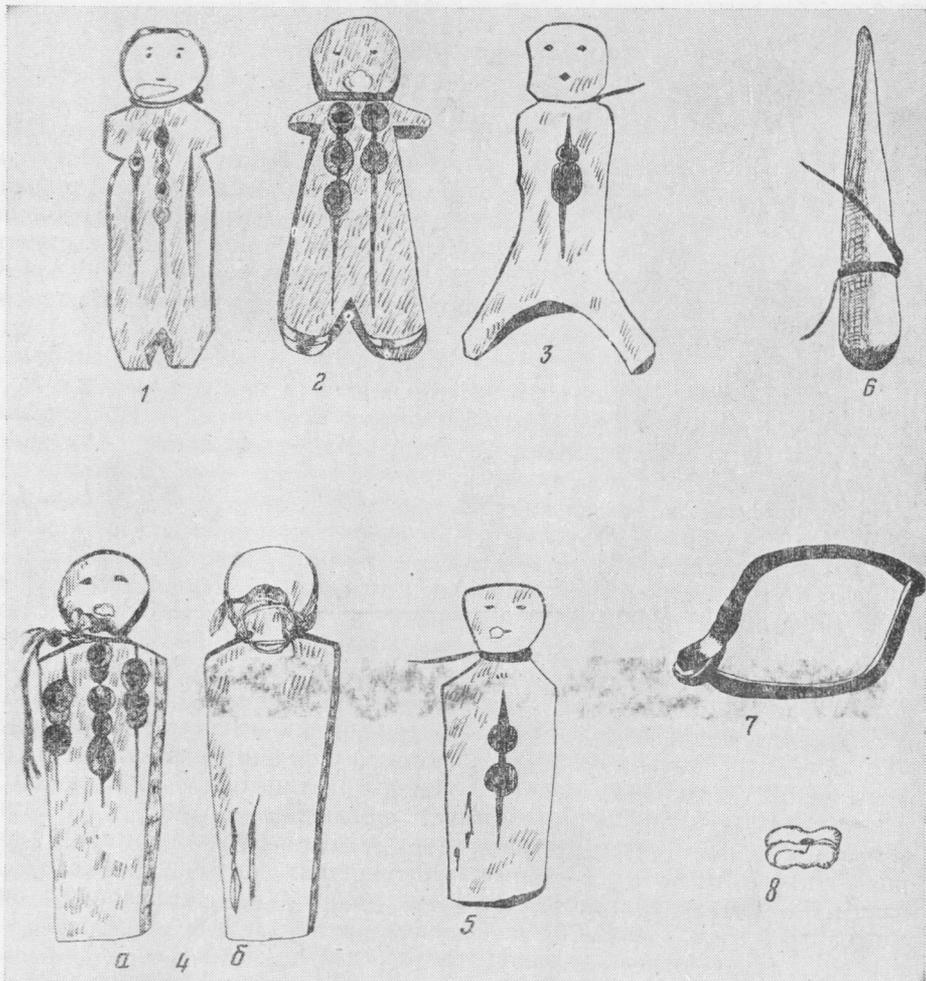

Табл. II. Лучковый прибор для добывания огня из связки семейных «охранителей»: 1—3, 4а, б, 5 — *гычгый* — прибор для добывания огня; 6 — *н'илек* — деревянное «сверло»; 7 — *тинучуын* — лучок; 8 — *талг'итг'ын* — коленная чашечка оленя

При головной боли на выбритую спереди часть головы одевали повязку из красной ткани, также называвшуюся *лав'тыкыльчинаң*. Ее изготовляли из полосы выделанной шкуры нерпы, окрашенной ольхой. На повязку нашивали по три бусины белого и красного цвета. Частые носовые кровотечения и головные боли, а также длительное заболевание глаз объяснялись, по мнению населения, постоянным нападением на человека злых духов. Поэтому все указанные амулеты носили постоянно и снимали только после того, как исчезали признаки заболеваний.

Личные охранители человека были разнообразными по составу. Количество фигурок оккамакля, бисера, бусинок, заячьего пуха менялось в зависимости от желания владельца. В том случае, если обереги не носили, их привязывали к связке семейных охранителей, и тогда, по представлениям ачайваямцев, они должны были оградить от вредоносной деятельности духов не только своих владельцев, но и всех членов семьи.

Большинство предметов в связке семейных охранителей было связано с семейным очагом и стадом домашних оленей. Самым главным охранителем семьи считался деревянный прибор для добывания огня — *гычгый*. Он, как думали ачайваямские оленеводы, являлся мужчиной, «главным хозяином» домашних оленей (*қояң этынвылг'ын*). Делали его из ольхи в виде схематичной фигуры человека с контуром головы, на «лице» которой вырезали маленькие углубления, обозначающие глаза и рот. Некоторые гычгый имели «руки» и «ноги» или только «ноги»

(табл. II; рис. 1—3). Но встречались и такие, у которых не было ни того ни другого (табл. II; рис. 4 а б, 5). Небольшие ямки (*қоқлогыйңо*), расположенные в два-три ряда на «туловище» огнива, образовывались от вращения *н'илек* — деревянного «сверла» (табл. II; рис. 6). При добычании огня в левой руке держали *талғ'итғын* — коленную чашечку оленя (табл. II; рис. 8) — и давили ею сверху на «сверло». *Тинуңғын* — лучок (табл. II; рис. 7), с помощью которого «сверло» приводилось в движение, держали в правой руке. При этом «тетива» лучка обматывалась вокруг сверла. Прежде чем добывать огонь, в углубление (*қоқлогыйңо*) клали потухший уголек из очага. От трения при вращении *н'илек* дерево нагревалось, с появлением дыма в углубление подкладывали трут (заячий пух). Разгоревшийся уголек выкладывали на сухой мох и, раздувая его, получали огонь. Добывать огонь с помощью деревянного огнива могли только женщины — хранительницы домашнего очага и всех семейных амулетов. Хорошо зная различные обряды, они совершали жертвоприношения, «кормили» предметы религиозного культа.

В настоящее время гычгый используется ачайваямскими оленеводами только во время традиционных праздников. Особую роль ему отводили на осеннем празднике *қояңайтатык* (буквально — «перегонять оленей»), связанном с возвращением домашних оленей из районов летнего выпаса. В прошлом это был главный годовой праздник, и устраивали его ежегодно, теперь — раз в 3—5 лет.

Қояңайтатык, на котором удалось присутствовать автору, проводился в ярангах, расположенных неподалеку от поселка. С вечера, после получения известия о приближении стада личных домашних оленей, население стало тщательно готовиться к празднику. Важным моментом было добывание с помощью деревянного огнива «чистого», ритуального огня, который поддерживали в течение трех праздничных дней. Даже ночью следили за тем, чтобы огонь не погас. Если же это случалось, огонь разжигали только огнивом. Очаг обкладывали собранными на берегу реки камнями, которые на время праздника считались «зольными камнями» — *пиң'ыв'в'о*. Такой очаг одновременно был и очагом и жилищем гычгыев — хозяев домашних оленей. Поливая водой *пиң'ыв'в'о*, «поили» их жилище и огонь. Под *пиңэняч'эның* (буквально — «покрытие золы») ², камень, лежащий с северо-восточной стороны, рядом с *пиң'ыв'в'о* клали жертву (*инэлвит*) — жир оленя и ветки тальника. К двум шестам, на которые опиралась перекладина очага, привязывали ветки тальника и кустарника *нэчако*. В них, как считали оленеводы, заключалась *энатгыйңын* — «жизненная сила», «жизненность» оленей. Огневые доски со связками семейных охранителей развешивали на перекладине рядом с очагом.

Прибытие стада к ярангам утром следующего дня являлось сигналом для выполнения основных обрядовых действий. Навстречу стаду выходили хозяин, хозяйка и ближайшие родственники. Один мужчина потрясал копьём, другой стрелял из ружья вверх стада, третий бросал аркан. Мальчики стреляли из детских луков, сделанных из веток тальника (стрелу из ветки тальника потоньше отец ребенка вырезал заранее, конец ее обжигали на огне). После выстрела стрелу находили, поднимали, ломали пополам. Хозяйка и старшая дочь или невестка бросали в сторону стада горящие головни, лежащие на дерне, прикрывавшем доску для выделки шкур. Все эти действия были направлены на очищение оленей, находившихся долгое время без «присмотра» семейных охранителей. Олени, возвратившиеся с летовки, могли, как верили оленеводы, принести с собой вредоносных духов, невидимо присутствующих около стада и способных навлечь несчастье на обитателей поселка.

В то время как пастухи уходили в стадо отлавливать жертвенных оленей, женщины, старики и дети совершали обряд бескровного жертвоприношения. Объектами обрядовых действий были заменители жи-

² Раньше при перекочевках на новое место *пиңэняч'эның* оставляли в старом очаге и закрывали сверху дерном. В отсутствие хозяев он, как полагали оленеводы, охранял семейный очаг.

вых оленей — «травяные олени» (*в'ытқояв'*), ветка тальника и бусина, нанизанная на сухожильную нить. Как правило, на празднике забивали телят-самцов. Объяснялось это желанием сохранить плодоносящую часть стада — источник ежегодного увеличения его численности. В качестве самок жертвенных оленей использовались различные заменители. Непосредственными исполнителями символического забоя (*қояэнанматгыйцын*), который, по представлениям населения, осуществлял гычгый, были 4—8-летние мальчики. Удар «олению» наносили маленьким деревянным копьем (*пойгын*). Оно находилось в связке с посохом (*очымңын*), маленькой деревянной лодочкой (*г'ытвыг'ыт*) и веткой тальника, символизирующей аркан (*чав'ат*). Все эти предметы принадлежали гычгьям. Перед «убоем» на «оленя» набрасывали настоящий аркан. Как выполнить этот обряд, показывал отец ребенка или старший родственник, чаще всего брат матери.

После принесения жертвы женщины и дети «кормили» жертвенной кашницей (*чэңчиткув'ытв'ыт*) из толченых зеленых листьев «четыре стороны света», начиная с востока. Затем женщины разжигали с северо-восточной стороны от входа в жилище «огонь гычгыев» (*гычгыймилгын*), на котором варили мясо жертвенных оленей. Если в празднике участвовали дальние родственники семьи, делали два костра. При этом каждая семья пользовалась своим огнем. В большой патриархальной семье ачайваямских оленеводов в прошлом имелось несколько гычгыев. За каждым из них была закреплена определенная часть стада домашних оленей, принадлежащих членам малой семьи. Гычгый передавался по наследству младшему сыну, а иногда дочери, если ее муж оставался жить у ее родителей. Молодая женщина, родившая внебрачного ребенка, особенно сына, также имела гычгый. Объединяющим началом семьи являлся очаг. Поэтому все огнивные доски считались общей семейной святыней и хранились в одном месте. Во время праздника за молодыми женщинами и девушками, добывающими ритуальный огонь, наблюдали все присутствующие, особенно внимательно пожилые люди. Если на получение огня затрачивалось больше 10—15 минут, считали, что семья постигнет несчастье: болезнь или смерть родственника, падеж домашних оленей.

После забоя оленей гычгьи мазали кровью предназначенного для них убитого жертвенного оленя (*зитгызит*). Помазание распространялось также на членов семьи, принесшей жертву, их нарты и арканы пастухов. Гычгьи получали и бескровную жертву: их «кормили» костным мозгом жертвенных оленей. В первый день праздника его брали из правой передней ноги оленей.

В конце праздника *қояңайтатык* на месте очагов (*гычгыймилгын*) сооружали *яяңапэль* (ярангочку гычгыев). Огнивные доски теперь «кормили» костным мозгом из левой передней ноги оленей. Часть мозга оставляли на месте очагов. Тут же втыкали ветки тальника, которые обкладывали дерном. Поверх утрамбованной земли на холмики высотой около 50 см укладывали вертикально три ряда мелких камней. Они символизировали три основных шеста *яяңапэль*. Выстроенное «жилище» «поили», поливая водой. После выполнения всех обрядовых действий огнивные доски со связками семейных охранителей уносили в ярангу и помещали на зиму в мешок (*кэмэчючгын*), сшитый из оленьей шкуры. Такой мешок считался общей «одеждой» гычгыев и связок семейных охранителей.

Весной, в период отела оленей, огнивные доски вынимали и обращались к ним за помощью. В более отдаленном прошлом с такой просьбой к гычгьям обращались в течение всего года. За «службу» человеку их благодарили: «кормили» костным мозгом и кровью оленей. Но такие хорошие отношения между «хозяевами» и людьми были не всегда. Когда у семьи терялась часть оленей, гычгья, который был их непосредственным «хозяином», просили отыскать пропажу. Для этого его поднимали наверх и прикрепляли в месте соединения трех основных шестов яранги. Если гычгый не мог «найти» оленей, его наказывали: били и

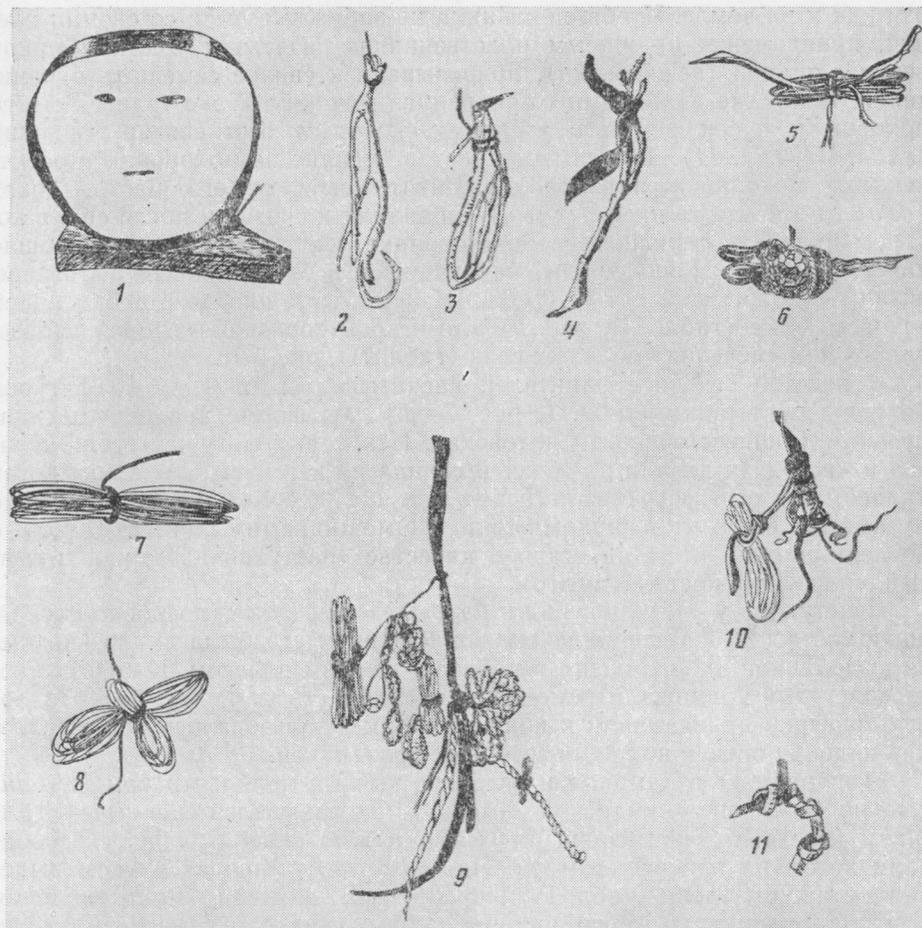

Табл. III. Предметы культа, связанные с оленеводством, и личные «охранители» человека из связки семейных «охранителей»: 1 — голова «убитого» гычгыя; 2—4 — ветки тальника — «рога» оленя; 5—6 — *қоянуйычыт* — «жизненность» оленей; 7—10 — *вг'айлығын* — трава; 11 — ремень с узелками, обозначающими живых родственников покойника

не давали костного мозга. В том случае, если семья совсем лишалась оленей, гычгыя «убивали». Его «туловище» сжигали на огне, а «голову» привязывали к связке семейных охранителей (табл. III; рис. 1), т. е. отправляли в «табун» к другому «хозяину», где он становился обычным «пастухом». Делали это во время весеннего праздника рогов — *килвэй*.

Связка семейных охранителей, прикрепленная к «шее» огнивной доски, как и гычгыя, имела тесную связь с домом, семейным очагом и стадом домашних оленей. Она состояла из предметов различного назначения. К сухожилию, привязанному к «шее» деревянного огнива, крепили один-два «аркана» из ветки тальника (табл. II; рис. 4б). Этими арканами пользовался сам гычгыя. Привязывали их к нему на весеннем празднике.

Веточки тальника самой разнообразной формы встречались и на самом ремне или сухожилии связки семейных охранителей (табл. III; рис. 2—4). Они, по представлениям оленеводов, обозначали рога оленей, которыми владел «хозяин». «Рога», как и «арканы», присоединяли к связке весной. Такие веточки, скрепленные сухожильной ниткой с травой, обозначали «жизненность» оленей (*қоянуйычыт*) (табл. III; рис. 5, 6). Траву и веточки брали с места поминок, на которых забивали часть оленей, принадлежавших покойным. Принесенные в жертву олени отправлялись в потусторонний мир (*пэнинэлг'у*), где умершие жили так

же, как и на земле. Чтобы покойники не забрали вместе со своими оленей, принадлежащих живым родственникам, взятые с места поминок ветки с травой (*вг'айлыңын*), привязывали к связке семейных охранителей. К ней же ачайваамцы прикрепляли пучки той же травы с места похорон и кусок ремня с узелками, которым был связан умерший (табл. III, рис. 11). Тем самым присутствующие на похоронах и родственники покойника надеялись защитить себя от его мести. Траву (*вг'айлыңын* или *тымкыңыллыңын*) добавляли к связке и после сна, в котором видели потерявшегося родственника, чтобы с ним не произошло ничего плохого. Пучки травы, находящиеся в связке, могли быть перевязаны сухожильной нитью (табл. III, рис. 7, 8), иногда с добавлением заячьего пуха (табл. III, рис. 9) или старой повязкой, которой пользовались при «лечении» больных глаз (табл. III, рис. 10).

В каждой связке охранителей насчитывалось от 4 до 10 фигурок больших оккамакля (табл. I, рис. 7—13), по форме аналогичных маленьким (личным оберегам человека). Некоторые фигурки имели «глаза» и «рот». Их делали из веток тальника на весеннем празднике рогов килвей, который устраивали перед или после отёла оленей. Большие оккамакля были «товарищами» или «помощниками» гычгыя. Вместе с последним они выпасали стадо в качестве «пастухов». Их, как и гычгый, «кормили» костным мозгом.

«Пастухом» у «хозяина» были *ңэлвылг'ыкаңг'эдюч* (дословно «кукла, ищущая табун»). Материальным воплощением его была кукла, сшитая из выделанной шкуры оленя и набитая оленьим волосом. К поясу такого «пастуха» пришивали ремешок с бусиной (табл. I, рис. 14). Подобную фигурку привязывали к кошке, которым пользовались при жертвоприношении оленей во время сезонных праздников.

«Товарищем» оккамакля и особенно гычгыя являлся и камешек *анқаквын* (дословно — «морской камень»). Он назывался еще *гычгыйтумгутум* (дословно — «товарищ гычгыя»). Камни *анқаквын* пастухи собирали летом на побережье моря. Их «одевали», обшивая куском выделанной шкуры оленя (табл. IV рис. 1—5). Вышедшая из употребления детская шапочка, которую привязывали к связке охранителей, очень часто становились головным убором гычгыя (табл. IV; рис. 6, 11). «Хозяева» домашних оленей, как полагали оленеводы, живут так же, как люди. Они носят такую же одежду, занимаются оленеводством. Поэтому им «дарили» части своей одежды, украшений, серьги (*вилулңыт*) (табл. IV; рис. 10), детали предметов, относящихся к оленеводству. Присоединенные к связке охранителей они всегда символизировали целую вещь. Так, например, наконечник (*каңқал*) и костяная рукоять (*тынпыт*) от оленьей погонялки обозначали погонялку (табл. IV; рис. 7, 8).

В связке семейных охранителей встречались камни необычной формы. Один из них считался передним отростком рогов оленя — *кылпалһын* (табл. IV; рис. 15), другой — «глазом» оленя — *қоянлылалһын* (табл. IV; рис. 14). Они «обеспечивали» благополучие домашним оленям и во время жертвоприношений их «кормили» костным мозгом.

Вообще камни играли значительную роль в религиозных представлениях населения этого поселка. Особенно привлекали их внимание камни, имеющие необычную форму. Они служили амулетами, «защитниками» человека, использовались во время гадания (при определении имени новорожденного).

Камни, имеющие прямое отношение к огню, хранились отдельно. Хозяйкой огня считалась *милгынколһын* (буквально — «находящаяся около огня») (табл. V; рис. 2—3). Ее нередко одевали в меховую одежду, которую символизировал кусок выделанной шкуры оленя (табл. V; рис. 3). Милгынколһын ставили рядом с очагом (в яранге) или печкой (в доме). Около нее хранили спички, которыми разжигали огонь в будничные дни. Хозяйка огня была «товарищем» (*тумгутум*) домашнего очага. Ее «кормили», смазывая костным мозгом, обращались к ней за помощью при любых обстоятельствах. Она «помогала» в личной жизни, «сохраняла» домашних оленей.

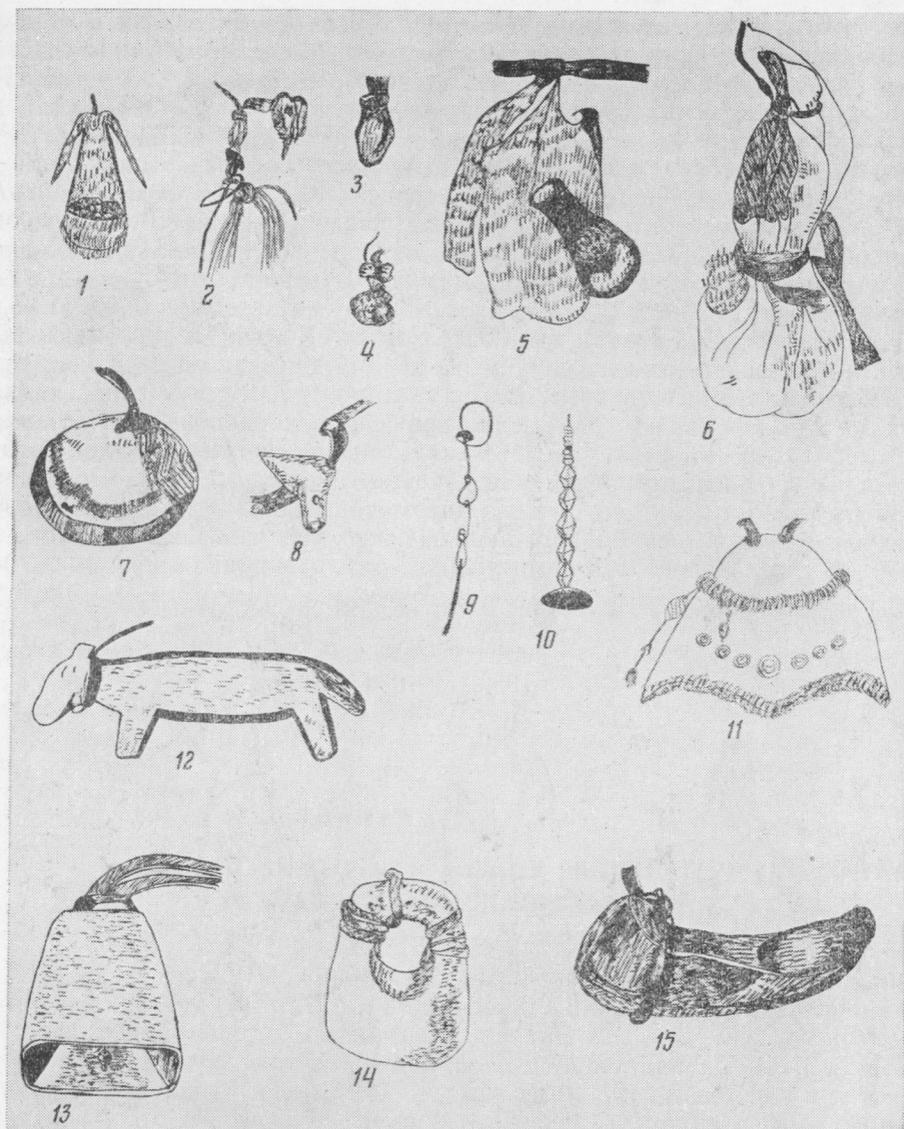

Табл. IV. Предметы культа, связанные с оленеводством из связки семейных «охранителей»: 1—5 — *гычгыйтумгутум* — морские камни — «товарищи» гычгья; 6, 11 — шапочки гычгья; 7 — *тынпыт* — рукоять оленьей погонялки; 8 — *канкал* — наконечник оленьей погонялки; 9, 12 — *уттынг'ытг'ын* — «оленегонные собаки»; 10 — *вилулуыт* — серьга; 13 — *коңқон* — колокольчик; 14 — *қоянлылалцын* — «глаз» оленя; 15 — *қылпалцын* — «передний отросток оленьих рогов»

Изначально для ачайваямцев не был характерен выпас оленей с помощью оленегонной собаки. Когда пастухи-оленоводы стали использовать пастушескую собаку лайку, ее изображение также появилось в связке охранителей в облике деревянной собаки — *уттынг'ытг'ын* (табл. IV; рис. 12) и в виде металлической цепочки (табл. IV; рис. 9). Чтобы олени не терялись, на шею им привязывали колскольчик (*коңқон*). С этой же целью его присоединяли и к связке (табл. IV; рис. 13).

Губы (*в'эмылкэт*) оленя, его хвост, кусочки шкуры со лба (*кыччалгын*), сухожилие с ноги (*гыткайто*), ухо с меткой, привязанные к связке (табл. III; рис. 4—6), после осеннего праздника, обозначали жертвенного оленя, предназначенного в дар гычгьям. Присоединение *penis* жертвенного оленя к ремню связки должно было, по мнению населения, обеспечить увеличение поголовья оленей.

После отела важенки ачайваямские оленеводы издавна фиксировали нанесением прорезей на счетные палочки — *уттыкаликал* («деревянное

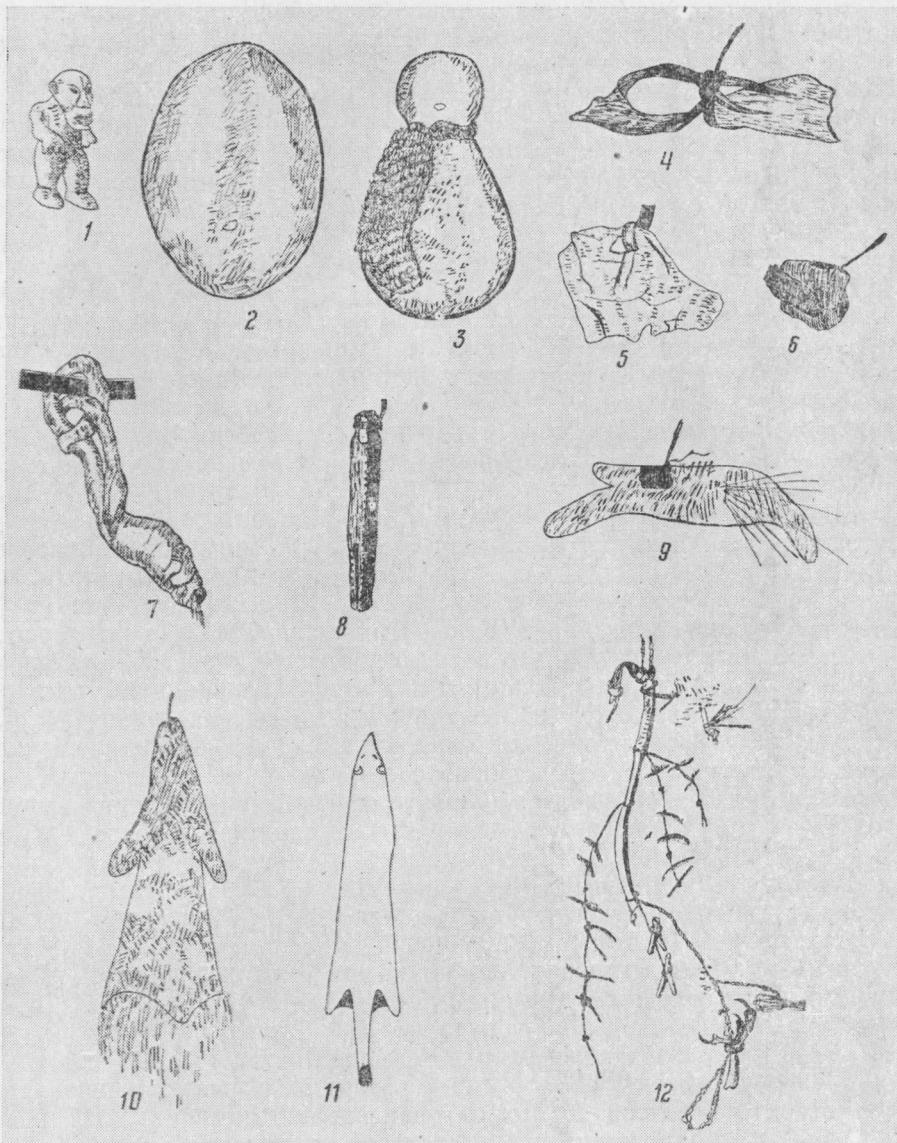

Табл. V. Предметы культа, связанные с оленеводством и охотой из связки семейных «охранителей»: 1 — дух заразной болезни; 2—3 — *милгынколчын* — «хозяйка огня»; 4 — *гыткайто* — сухожилие с ноги оленя; 5 — *кыччалгын* — кусок шкуры со лба оленя; 6 — *взлолчын* — ухо оленя с меткой; 7 — *penis* оленя; 8 — *уттыкаликал* — счетная палочка; 9 — кусок шкурки выдры; 10 — шкурка белки; 11 — шкурка горностая; 12 — носы выдр и лапка утки

письмо») количество новых самцов и самок, появившихся в стаде. Сейчас такие палочки вышли из употребления, и увидеть их можно только в связке охранителей (табл. V; рис. 8).

Охота у ачайваямских оленеводов играла второстепенную роль. Шкурки пушных зверей использовались для украшения одежды, мясо водоплавающих употреблялось в пищу. После успешного промысла шкурки и носы выдры, шкурки белки и горностая, лапки уток прикрепляли к связке охранителей (табл. V; рис. 9—12). Отдавая их под «покровительство» семейных святынь, оленеводы надеялись сохранить таким способом численность промыслового зверя и обеспечить удачу в охоте.

Некоторые элементы архаических верований и предметы культа в настоящее время сохраняются у ачайваямских оленеводов только среди людей старшего поколения. Значительные изменения в жизни, быту и

культуре населения привели к тому, что молодежь уже не может объяснить многие обрядовые действия и назначение культовых предметов. Изучение их необходимо в связи с тем, что вопрос об этнической принадлежности оленеводов этой группы, как говорилось ранее, пока остается открытым.

Собранные нами материалы указывают на то, что оленеводы пос. Ачайваям говорят на чавчувенском диалекте коряжского языка. Терминология, которая приводилась при рассмотрении предметов культа, обрядовых действий и религиозных представлений, сходна с терминологией других групп коряков. Так, название деревянного огнива — гычгый, в отличие от чукотского — *гыргыр* или *милгымил*, аналогично термину, записанному у коряков В. И. Йохельсоном в начале XX в. (по его транскрипции «gičgič», «gečgei») ³. То же можно сказать относительно названия злого духа — *кала* (чук. *кэле*), амулета аняпель, а также деревянных человекоподобных фигурок оккамакля. В свое время В. Г. Богораз подчеркивал, что «слово *камак* — коряцкое и очень редко употребляется у чукоц» ⁴. Дальнейшее исследование религиозных представлений, обрядов и праздников ачайваямских оленеводов, как наиболее древних и стойких элементов культуры, возможно, приблизит решение вопроса об этнической принадлежности ачайваямских оленеводов.

³ Jochelson W. The Koryak. Religion and Myths. The Jesup Pacific Expedition, v.-VI, pt I. Leiden — New York, 1905, p. 33.

⁴ Богораз-Тан В. Г. Чуки. Ч. 2. Л., 1937, с. 49.

А. В. Гринев

ТОВАРООБМЕН МЕЖДУ ИНДЕЙЦАМИ ТЛИНКИТАМИ И АТАПАСКАМИ СКАЛИСТЫХ ГОР В XIX В.

Индейцы тлинкиты, жившие на северо-западном побережье Северной Америки (от 55 до 60° с. ш.) и прилегающих к нему островах, вели оживленный товарообмен с атапасками Скалистых гор задолго до прихода в этот район европейских купцов пушнины (конец XVIII в.). Различия в природных условиях побережья и областей, лежащих в глубине материка, а также зачатки ремесленной специализации весьма способствовали развитию торговли между тлинкитами побережья и внутриматериковыми индейцами.

Экономической базой тлинкитского общества было специализированное рыболовство, обеспечивавшее образование излишков продуктов. Производство прибавочного продукта создавало основу для накопления богатств в руках знати, возникновения имущественного и социального неравенства, а также расцвета межплеменной торговли ¹.

Все племя тлинкитов распалось на ряд территориальных подразделений — *куанов*. Наиболее тесные контакты с внутриматериковыми племенами поддерживали прежде всего индейцы тех куанов, чьи земли примыкали к владениям атапасков. Особенно активными торговцами были тлинкиты куанов Чилкат, Таку и Стикин, через территории которых проходили наиболее удобные пути в глубь материка к атапаским племенам *тутчен*, *тагиш*, *таку* (не путать с тлинкитами Таку-куана) и *талтан*. Кроме того, эпизодические контакты тлинкиты имели с атапасками *атена* и *цецаут*, а в связи с интенсификацией торговли в XIX в. — также с *набесна* (верховые *танана*), *хан*, *каска* и, возможно, *секани*. Своих восточных и северных соседей тлинкиты обозначали термином *кунанá* (*gupaná*), что означает «чужие», «чужестранцы», причем это

¹ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 137.